

Ой, после вайны фсякае тут была, милай. Ну ф танцах гуляли [смеется], тожэ, гуляли. Раньшэ так при немцах – эта была четыре года – тюрьма пряма... А мы самые вот пыдростки были – па питнацать лет, па шыснаццать. Эта баялись люди дажэ выхóдить куды из дамоф. Вот там, па сасецтву сабираемся – малыцы и ети – и дяфчонки. Эта толька днём, а вечэрам фси как бы в доме. Патаму што четыре года – эта бальшая была партизанка у нас. И тут не поймёш – или немцы, или партизаны. Партизаны в нямецкам приходят адеты, а немцы, бывая, нашшёт партизанаф идуть. И вот гавари: каму што гаварить. Каждый спрашывая: «Скажы, немцы ль едуть тут, кто?»

А мы па бальшаку, наша дяревня чэтыреста пият двароф была. Ой, эта апасна преступнась была! Эта нóчэй люди ня спали. Дажэ ни дети не спали. Вот толька закрыли дверь – абратна бьють: «Хазяин, аткрой!». Фсе варужонные люди приходють. Фсё трусять, агня-свету не была. Лучыну палили – такой вот паставленный стаяк был, палка в этам, штоп не падала, крест такой, и в эту палку фшшэплена такая жастина, шоб задержывала, и вот пуки лучыны так вот, в яво длинные, нашчэпанные, сухие, за печкай высахшы. И вот ету лучыну запаливаеш, сюда ставиш – и вот такой ужас – ана гарить!

Вот как жыли – чатыре года! Так жыли. Ф таком вот веку. Гаварять, узники. Я хачу сказать – вот наша вот сасетка, ана, гаварить...Залес, гаварить, панимаеш, заложэн¹. А я быстренька ис кухни пат печку. Гаварить папка: «Уйди к чорту, иди ня зли ево!» А я фся трясуся. А уж дальшэ ня знаем – можэ, ета пасленняя калона идёт, можа, дал Гитлер палить или вбивать фсих, чорт паймёт!

Пасмотрели, што атступають немцы. Как ушли с наша дома – фсех папка нас атправил в лес. Хлеба взяли, аны пришли. «Бройт, бройт, буттер», – просяць. «Буттер» – масла мы нясли.

¹ *Заложіть* – закрыть (дверь) с помощью задвижки, засова.

«Шпэк, шпэк!» – папка дал им сала кусок. Раньшэ пякли такие бальшые баханки килаграм па шэсь. Эта на цэлу няделю пякли на сэмью, штоб была хлеба. Баханки вот такие вот бальшые [показывает: 40 сантиметров в диаметре] пякли. Папка им дал: идите! Масла дал им, и сала кусок, и хлеба, и аны: «Данкиш, данкиш». И пашли с хаты, и тады папка гаварить: «А ну, немцы атступають – мала ли што, я астанусь адин. Я ш тожэ в чатырнацатам ўо́ду был на фронте, с немцами ваявали, даўнали нас немцы, в чатырнацатам ўо́ду, – папка на фронте был, – гаварить, в чатырнацатам ўо́ду еле он нас даўнал да Масквы, а мы с-пад Масквы ево абратна заўнали ф Пруссию».